

В. Ф. ШАПОВАЛОВ

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА

В центре философско-исторических построений Соловьева стоит понятие *человечества*. «Субъектом исторического развития является человечество, как действительный, хотя и собирательный организм»¹. Соловьев мыслит *человечество как вполне реальное живое существо*. Оно не дано нам в органах чувств, мы его не видим и не осязаем как целое. Тем не менее оно существует как абсолютно реальный и, кроме того, живой объект, как организм. Человечество воздействует на все проявления общественной и индивидуальной жизни людей — на развитие отдельных государств, на всякого человека независимо от того, осознает он это или нет. В конечном итоге, все в жизни людей зависит от того, насколько прочным будет всечеловеческое целое, насколько оно в состоянии прогрессивно развиваться, насколько оно одухотворено.

Мотив постановки на первый план понятия «человечество» вполне очевиден. Соловьев настаивает на первостепенном значении *общечеловеческой солидарности, взаимопонимания и, наконец, любви* для решения самых разнообразных общественных проблем. Ставя общечеловеческие интересы превыше всего, он стремится противостоять различного рода эгоизмам — государственному, этническому, религиозному, классовому, индивидуальному. В исторических условиях конца XIX в. (как, впрочем, и сегодня) это было исключительно актуально. Конец XIX столетия был периодом все большего обострения межгосударственной и классовой борьбы, приведшего к войнам и революциям начала XX в. Соловьев подчеркивал значение общечеловеческой солидарности для мирного решения социальных проблем. Только при наличии солидарности людей возможен

---

¹ Соловьев Вл. Соч.: В 10 т. СПб., 1911. Т.1. С.255.

прогресс человечества и каждой его части — отдельных государств, народов, классов и личностей.

Для уяснения сущности соловьевского понимания человечества любопытно сравнить его взгляды с концепцией Гегеля. Гегелевской философии также свойствен приоритет человечества над его частями и над индивидом. Однако Гегель при этом стремится определить *меру* участия в общечеловеческом движении отдельных частей — от наций до индивидов. Он разделяет «лидеров» и «аутсайдеров». Лидерство может принадлежать только «историческим» народам; «неисторические» — такой возможности заведомо лишены. На последнем этапе ведущую роль в истории Гегель отводит Западной Европе, и в первую очередь прусскому государству. Среди людей бесспорными лидерами мирового процесса являются так называемые «великие личности», которых Гегель ищет среди полководцев, политиков, императоров. Во имя исторического прогресса им разрешается «растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути»².

По Соловьеву, разные части человечества в составе мирового целого также могут играть и играют различную роль. Однако для Соловьева важна не количественная степень («кто больше, а кто меньше»), а в первую очередь **качественная**. Каждый народ и каждая единица общественного целого участвуют во всемирном движении по- своему, умножая и развивая многообразие человечества. Что же касается «лидерства», то оно понимается прямо противоположно гегелевскому. У Соловьева индивидуалистическое самоутверждение, — будь то самоутверждение народа или самоутверждение личности, — всегда негативная характеристика. Оно приравнивается к «злу эгоизма». Поэтому ведущую роль в мировой истории способен играть лишь тот, кто способен к *самоотверженности* и даже к *самоотречению*. Наибольший вклад в мировую историю вносит тот, кто сознательно отрекся от всяких частных интересов во имя интересов

---

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории. М., 1993. С. 84.

человечества, или точнее, Богочеловечества. И именно он достоин наибольшего почета и уважения. При таком взгляде само собой понятно, что решившийся «растоптать невинный цветок» ни при каких условиях не может быть возведен в ранг «героя истории».

Очевидно, что учение о человечестве в интерпретации Соловьева имеет нравственно-возвышенный пафос. И это понятно, поскольку вся философия Соловьева строится, исходя из требований христианской нравственности, как они ему представлялись. Тем не менее возникает вопрос: не слишком ли большой груз возлагает Соловьев на человека? Может ли человек постоянно находиться в состоянии самоотречения, сознательно пренебрегая теми интересами, которые не являются интересами человечества в целом? С другой стороны, не способствует ли учение Соловьева ослаблению воли к жизни? Ведь согласно идее самого мыслителя жизнь, в том числе общественная, в своем эмпирическом выражении есть не что иное, как ожесточенная борьба за существование. Прежде чем ответить на эти вопросы, обратим внимание еще на ряд аспектов социально-философской концепции Соловьева.

Следуя христианскому взгляду, мыслитель считал, что явление Христа имело универсальное значение. По Соловьеву, со времени явления Христа, а затем по мере утверждения и распространения христианства история общества становится радикально иной. Человечество превращается в Богочеловечество. В столь необычный термин Соловьев вкладывает весьма простое содержание. Он хочет сказать, что с возникновением христианства не только индивидуальная жизнь христиан, но и общественная наполняется новым — *духовным* — содержанием. Теперь она подчинена «безусловному», т.е. божественному, началу. История общества становится историей развития христианской церкви, расширения ее духовного влияния. Тело Христово (т.е. церковь), «являющееся сперва как малый зачаток в виде немногочисленной общины первых христиан, мало-помалу растет и развивается, чтобы в конце времен обнять собою все чело-

вечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме»³. В расширении духовного влияния христианства и во все большем осознании христианских ценностей, таких как милосердие, сострадание и других, усматривает Соловьев сущность *общественного прогресса*. Прогресс несомненен, хотя на его пути человечеству приходится преодолевать целый ряд соблазнов и искушений.

Одно из радикальных препятствий на пути торжества христианских ценностей связано с разделением церкви на две изолированные части — западную и восточную, т. е. римско-католическую и православную. Еще более усугубило положение последующее дробление некогда единого христианства, т. е. отделение от католицизма целого ряда протестантских течений. Разделенность христианства рассматривается мыслителем как трагический факт, хотя он признает относительную «правду» каждого из его главных направлений.

Особенно сильно волновала Соловьева проблема разделенности церкви в средний период его творчества (1882-1890 гг.): он предпринимает не только теоретические, но и практические усилия к тому, чтобы способствовать объединению римско-католической и православной церкви. На этом основании некоторые исследователи считают Соловьева одним из основоположников экуменического движения — движения за объединение церквей⁴.

В это же время Соловьев развивает учение о *вселенской теократии*. Теократия (букв. — *богоставление*), по замыслу философа, должна объединить все христианские народы прежде всего в единство духовное. Предполагалось, что во главе нового духовного объединения станет Папа римский. Светскую власть объединенных народов возглавил бы российский император. Наконец, еще одна ветвь власти (говоря теперешним языком) должна была принадлежать пророкам — людям, которые в силу своих

---

³ Соловьев Вл. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 160.

⁴ См., в частности: Зернов Н. М. Три русских пророка. Хомяков. Достоевский. Соловьев. М., 1995. С. 132-175.

интеллектуальных и нравственных качеств пользуются особым уважением и авторитетом. Их миссия — «теоретическая» и «пропагандистская». Они призваны научно-философски разрабатывать и намечать пути дальнейшего развития христианского человечества.

Прежде чем критиковать соловьевский проект за мечтательность и утопизм (такая критика вполне правомерна), обратим внимание на то, какие цели ставились автором при его выдвижении. Очевидно, что посредством вселенской теократии Соловьев прежде всего стремился решить задачу, которую он считал важнейшей еще в юности, а именно — уничтожение «грубого невежества масс, предотвращение духовного опустошения высших классов и смирение грубого насилия государства». По замыслу Соловьева, в теократическом обществе эта задача могла бы быть спешно решена. Такое общество должно обеспечить приоритет духовных ценностей над материальными. Все в нем должно быть проникнуто христианскими идеалами любви, подчинено безусловному, т.е. божественному, началу, — вселенская теократия призвана противостоять опасности нигилизма и грубого материализма, которая остро ощущалась Соловьевым на протяжении всей жизни. Столь же опасным представлялось ему распространение социалистических учений, которые он рассматривал не более, чем в качестве разновидностей того же нигилизма и материализма. Наконец, для России теократический проект имел, по Соловьеву, еще один важнейший аспект. Находясь на границе двух миров — европейского и азиатского, Россия на протяжении всей истории постоянно испытывала и испытывает давление азиатского Востока — давление экономическое, военное, духовно-культурное. Объединение со странами Европы позволило бы России более тесно интегрироваться в сообщество христианских стран, что дало бы более твердую гарантию сохранения христианских основ русской культуры. Опасения Соловьева относительно возможности утраты Россией христианской направленности духовной жизни выражены в одном из его стихотворений:

О Русь! В предвидении высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

По замыслу Соловьева, вселенская теократия должна быть *свободной* теократией. Иначе говоря, объединение христианских наций должно происходить на началах добровольности и свободного выбора. В теократическом обществе должно быть также исключено всякое принуждение к вере, — то, что Соловьев называл «искушением благовидного властолюбия». Новое теократическое общество будет радикально отличаться от того, что было в средние века, когда церковь допускала жестокие гонения на инакомыслящих. Столь же радикально будущее общественное устройство должно отличаться от современного Соловьеву положения в России. Философ резко протестовал против ограничения свободы вероисповедания. Он сурово критиковал православную церковь за стремление опереться на государственную власть в искусственно-насильственном насаждении веры, за те качества, которые Соловьев рассматривал как косность и невосприимчивость к требованиям времени, за приверженность к обрядоверию. Он иронически называл сложившуюся в России систему «псевдотеократией», в которой правит «зловредный триумvirат из лжецерковника Победоносцева, лжегосударственного человека Д.А. Толстого и лжепророка Каткова»⁵.

Соловьев затратил много сил и энергии, нервов и здоровья в попытках практически реализовать свой проект. Однако он все более убеждался, что его планы обречены на неудачу по самым разным причинам. В 90-е годы он отходит от теократической утопии, направляя свои усилия на менее беспокойные и менее опасные темы. Неизменной остается общая интенция творчества Соловьева, направленная на то, чтобы «христианство было осу-

---

⁵ Цит. по: Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель. 1977. С. 290.

щество в общественной и политической жизни человечества». В 90-е годы он пишет, в частности, обстоятельную работу «Оправдание добра или нравственная философия». В ней с точки зрения нравственности Соловьев рассматривает все самые существенные вопросы общественной жизни (см. Часть III. «Добро чрез историю человечества»)

Обращает на себя внимание последовательное отстаивание мыслителем идеи безусловного достоинства личности, которую он формулирует следующим образом: «Никакой человек, ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как *только* средство или орудие — ни для блага другого лица, ни для блага известной группы лиц, ни для так называемого «общего блага»⁶. Общество имеет право не на человека как лицо, а на его деятельность или труд в той мере, в какой этот труд, служа пользе общества, обеспечивает вместе с тем достойное существование человека. Право личности безусловно, в то время как права общества на лицо, напротив, обусловлены признанием личного права.

Личность есть сила разумно-познающая и нравственно-действующая. Соловьев критикует две одинаково ложные крайности. Одну крайность представляют «гипнотики индивидуализма», другую — «гипнотики коллективизма». Первые утверждают самодостаточность отдельной личности, а в обществе видят лишь помеху или препятствие для ее самореализации. Вторые, напротив, видят в жизни человечества только общественные массы, а личность признают за ничтожный и преходящий элемент общества. С их точки зрения, с личностью можно не считаться во имя так называемого общего интереса. «Но что же это за общество, состоящее из бесправных и безличных тварей, из нравственных нулей? Будет ли это во всяком случае общество *человеческое*?» — ставит вопросы Соловьев⁷. Позиция мыслителя в этой проблеме не сводится, однако, к простому от-

---

⁶ Соловьев Вл. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.1. С.68.

⁷ Там же. С.283.

вержению двух крайностей и механическому нахождению середины. Во-первых, с его точки зрения, личность при всех условиях должна иметь возможность сохранить свою *особенность*. Она есть «особая форма бесконечного содержания». Человеческая личность бесконечна: это есть аксиома нравственной философии. Бесконечность личности проявляется в безграничных возможностях интеллекта и в таких же безграничных возможностях воли к совершенствованию личности и общества с точки зрения нравственности. Во-вторых, личность включает в себе *динамический* момент истории, в то время как «собирательные» общности — ее *статический* момент. Личность способна инициировать новое, в ней заключен источник творчества. Всякое общественное целое скорее консервативно, чем инициативно. В противоборстве двух тенденций — динамической и статической — и заключается движущая сила развития общества.

Согласно Соловьеву, содержание христианства требует «чтобы человеческое общество становилось организованною нравственностью»⁸. Нравственное совершенствование должно касаться не только отдельного человека, но и общества в целом. Иначе говоря, общество должно быть построено в соответствии с принципами христианской нравственности. Для этого не требуется никаких революционных перестроек: «Задача состоит не в том, чтобы уничтожить существующие расчленения общественные, а в том, чтобы привести их в должную, добрую, или нравственную, связь между собою»⁹.

Соловьев одинаково отрицательно относится и к теории социализма, и к духовной буржуазности. Имея в виду утверждения о близости идеи социализма христианству, Соловьев иронически замечает: «Христианство учит — отдай свое, а социализм говорит: возьми чужое». С точки зрения Соловьева, всякое учение, ставящее на первый план материальные интересы, в корне противоположно христианству, для которого духовные интере-

---

⁸ Там же. С. 339.

⁹ Там же.

сы неизмеримо важнее материальных. В этом смысле социализм есть лишь обратная сторона буржуазности, поскольку и тот и другой взгляд отстаивают приоритет материальности. Такого рода учения низводят человека до уровня животности, а в обществе сеют раздор и вражду. В действительности, попытка построить общественную жизнь, исходя из приоритета материальных интересов, вредна и утопична. Такое общество неминуемо будет разорвано борьбой эгоистических сил.

В социально-философских построениях Соловьева можно вычленить систему безусловных ценностей. Эта система вытекает из общего смысла его философии. Среди безусловных ценностей следующие: жизнь (живое существо), достоинство личности, человечество (Богочеловечество). Этими ценностями нельзя пожертвовать ни при каких условиях. Безусловность их еще и в том, что они не обусловлены ничем внешним. Общей основой их понимания как ценностей безусловных является мысль о жизненном начале тварного мира. Под действием этого начала мир устремляется вопреки материальной греховности к цветущей полноте жизни. В функции жизненного начала у Соловьева выступает София — Премудрость Божия.

Человек не вправе с легкостью брать на себя миссию переделки природы и общества в силу ограниченности человеческого разума. Хотя разум потенциально бесконечен, он не в состоянии предвидеть последствия человеческого вмешательства в мир. Среди последствий могут оказаться и те, которые станут катастрофическими или необратимыми. Поэтому человек — не самочинный перестройщик, а охранитель мира. Охранитель в том смысле, что оберегает заключенную в мире духовность или, точнее, живую душу. Человек призван охранять и умножать скрытую в материи душевность, способствовать укреплению ее жизненных сил, внутренне ощущая свою связь с душой каждого природного существа.

Вл. Соловьеву принадлежит заслуга в постановке и разработке проблемы, которую с тех пор принято обобщенно обозначать словосочетанием «*русская идея*». В мае 1888 г. он высту-

пил в Париже с лекцией на французском языке под названием «Русская идея». В ней мыслитель поставил вопрос, который он считал крайне важным, — вопрос о *смысле существования России во всемирной истории*. Ответом на него и служила сформулированная автором «русская идея».

Соловьев считал, что каждая нация, объединенная в соответствующее государственное единство, призвана выполнять в составе человечества определенную миссию, или роль. Под нацией он понимал не этнос, а совокупность народов, объединенных в одном государстве. Миссия, или роль, нации в составе мирового целого есть ее национальная идея. Каждая нация должна обрести свою идею, в противном случае существование нации не оправдано. Национальная идея — это определенное задание, данное Богом; это долг народа, объединенного в государстве, перед Богом. Одновременно это вклад, который нация призвана внести в копилку общечеловеческих достижений. Национальная миссия тем более высока и значительна, чем более она способствует достижению всечеловеческого единства на христианских основаниях.

Таким образом, русская идея в понимании Соловьева — это миссия России в составе мирового сообщества. Она выступает долгом или моральным обязательством, а не вытекает непосредственно из материальных условий существования России. Но в этом случае возникает вопрос о том, как и кто в состоянии определить существо национальной идеи? Кто должен говорить народу о его долге? Сам народ может заблуждаться относительно своего истинного призвания или даже отвергать его. Поэтому, согласно Соловьеву, национальную идею нельзя определить путем голосования. Это можно сделать, лишь тщательно проанализировав всю историю российского государства — от зарождения государственности в Киевско-Новгородской Руси до современности. Анализ исторического пути России позволит определить те моменты истории, в которые Россия вносила наибольший вклад в развитие христианской цивилизации. Именно эти моменты дадут возможность определить миссию

России в будущем: «Что Россия должна сделать во имя христианского начала и во благо христианского мира».

Для того чтобы национальная идея могла быть не только познана, но осуществлена на практике, необходимы определенные предпосылки. Во-первых, необходимо «религиозное и умственное освобождение России». Соловьев имеет в виду полное осуществление гражданских свобод — свободы слова и свободы совести. Он остро критикует ограничения этих свобод, имевшие место в современном ему российском обществе. Во-вторых, должна быть радикально преобразована русская православная церковь. Соловьев различает православие как мировоззрение и церковь как институт. С его точки зрения развитие православной церкви пошло по неправильному пути. Главные пороки церкви связаны с подчиненностью ее государственной власти. Они состоят в формализме, в агрессивности и враждебности к западному христианству и всему западному. Преодоление этих недостатков откроет путь для реального осуществления той миссии, к которой Россия исторически призвана. В свою очередь осознание исторической миссии будет способствовать устранению отмеченных недостатков.

В чем же состоит, по Соловьеву, «русская идея» или историческая миссия России? Конечно, она должна быть связана с задачей усиления роли христианства и христианских ценностей в противовес варварству и обскурантизму. Соловьев полагает, что следует использовать мощь российского государства не для узконациональных целей, а во благо христианского человечества. *Россия как крупнейшее государство должна стать инициатором и главной опорой духовного объединения христианских стран.* В этом и состоит русская идея: «Христианская Россия ... должна подчинить власть государства ... авторитету Вселенской Церкви и отвести подобающее место общественной свободе... Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской церкви и делу общественной организации... внесет в семейство народов мир и благословение»¹⁰.

---

¹⁰ Там же. С. 245.

Русская идея мыслится Соловьевым в контексте его учения о вселенской теократии. Поэтому «русская идея ... требует от нас ... обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где *каждое* из трех главных органических единств, церковь, государство и общество» будет находиться в «безусловной внутренней связи» с двумя другими. *Церковь* (первое лицо социальной троицы) олицетворяет собой начало единства и солидарности. Она является также носителем традиции или предания. *Государство* или светская власть (второе лицо социальной троицы) должно стать могучим орудием «истинной социальной организации». Для этого государству следует перестать быть защитником эгоистических национальных интересов. Государство не должно быть целью само по себе. Оно должно быть *средством*, прежде всего законодательно регулируя частную инициативу лиц и организаций. Наконец, *общество или общественность* (третье лицо социальной троицы) есть свободная и совершенная организация, выражающая самодеятельность и самоорганизацию свободных граждан. Общественность направляется деятельностью пророков. Три лица социальной троицы должны быть «безусловно солидарны между собой», поскольку являются органами единого организма, выполняющими жизненно важные функции общественного целого.

Первым шагом на пути к вселенской и свободной теократии должно стать преодоление разделенности христианской церкви на римско-католическую и православную. Согласно Соловьеву, инициатива в этом должна исходить от православия. Но поскольку русская православная церковь подчинена российскому государству, т.е., в конечном счете, императору, то, очевидно, именно он должен принять первоочередные меры к воссоединению церквей. Для осуществления своего призвания России не нужно действовать против других наций, но с ними и для них, — в этом лежит доказательство, что эта идея есть идея истинная.

При разработке проекта русской идеи Соловьев сознательно

исходил из необходимости преодоления противоположности между *западничеством и славянофильством*. В соответствии с принципом всеединства он стремился избежать всякой односторонности. К числу таких односторонностей он в равной мере относил и западничество, и славянофильство. Вместе с тем в каждой из односторонностей он стремился вычленить элемент истины. В ранних славянофилах (А. Хомяков, И. Киреевский и др.) Соловьев высоко ценил тенденцию христианского универсализма и гуманизма, противостоящую тому, что Соловьев называл «национальной исключительностью» и «партикуляризмом». Сам Соловьев крайне негативно относился ко всем попыткам искусственного возвеличивания России и, вообще, — одной нации за счет другой. Такие попытки он усматривал в официальной политике и идеологии современной ему России. С ними он вел идейную борьбу, сохраняя лояльность по отношению к власти и не помышляя о революционных потрясениях. Свою задачу он видел как раз в выработке такого пути для России, который избавил бы ее от революционных и иных потрясений. С точки зрения Соловьева, для этого необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с противостоянием Западу. Необходимо также отказаться от самонадеянных и горделивых претензий на обладание абсолютной истиной. Во внешней политике следует избегать завоевательских тенденций. В частности, следует отказаться от изжившей себя идеи завоевания Константинополя, или идеи объединения славянского мира под эгидой России.

По Соловьеву, российская перспектива связана с интеграцией в европейское сообщество стран на основе христианских ценностей. На этом пути для России открывалась бы не только перспектива решения внутренних проблем, но и простор для значительной международной роли. Россия могла бы внести в отношения европейских народов элементы сердечности и непосредственности, утраченные излишне рациональным и расчетливым Западом. С другой стороны, став полноправным членом европейского сообщества, Россия могла бы многому научиться

у Западной Европы. Сотрудничество с Европой помогло бы российскому обществу преодолеть все еще характерные для России тенденции варварства, обскурантизма и нигилизма. Тесное взаимодействие с Европой избавило бы и от поверхностного подражания ей. Все это в конечном итоге способствовало бы выходу России на путь подлинного просвещения и прогресса.

Величие творчества и личности Вл. Соловьева было очевидно многим его современникам и непосредственным преемникам, на которых мыслитель оказал значительное влияние. Однако в советское время его наследие замалчивалось и искажалось в угоду господствующей идеологии. Достаточно напомнить, что первое послереволюционное Издание его сочинений (в двух томах) было осуществлено только в 1989 г., т. е. во время «перестройки». Сегодня идеи Соловьева наконец возвращаются к нам, расширяя кругозор, давая пищу для размышлений, обогащая наши знания истории отечественной культуры.

Место и значение творчества Соловьева в истории русской мысли определяются тем, что он явился завершителем и систематизатором *русской философской классики*. Его система — вершина русской классической философии. Без творчества Соловьева мы вообще едва ли имели бы возможность говорить о русской классической философии как о реальном факте культуры. Реализуя принцип всеединства, Соловьев стремился к максимальному теоретическому обобщению опыта предшествующего философского и культурного развития. В его философии нашли отражение в переосмысленном виде идеи едва ли не всех выдающихся западноевропейских и русских мыслителей. В то же время философия Соловьева оказала значительное влияние на последующее развитие русской философской мысли и культуры, на таких мыслителей XX в., как С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Лосский. Л. Карсавин и другие.

Будучи явлением русской философской классики, философия Соловьева оказалась тесно связанной с русской художественной литературой, а именно с *русской классической литературой XIX в.* Соловьевские мотивы можно легко обнаружить в

творчестве Ф. Достоевского, Ф. Тютчева, А. Фета, отчасти Л. Толстого и других. По предложению Соловьева Достоевский впервые посетил «Оптину пустынь», известный монастырь в Калужской области. Именно здесь у великого писателя родился замысел романа «Братья Карамазовы». Старцы «Оптиной пустыни» послужили прототипами выведенного в романе старца Зосимы. Существуют предположения, что Соловьев явился прообразом Ивана Карамазова. Впрочем, темы «Соловьев и Достоевский», «Соловьев и Толстой», «Соловьев и Тютчев» и другие могли бы стать предметом самостоятельного исследования. Не является случайным и тот факт, что сам Соловьев не мог обойтись без поэтического творчества. Многие свои идеи он излагал в стихотворной форме. Объединяет философию Соловьева с русской классической литературой и одинаково присущий им высокий *нравственный пафос*.

Философию Соловьева во всех ее аспектах можно назвать нравственной философией. При этом она исходит не из неопределенной «нравственности вообще», а из *Христианской*. Для Соловьева христианство — нечто большее, чем религия. Он являлся страстным пропагандистом христианского образа жизни и образа мысли, как он их понимал. Христианство, пропагандируемое Соловьевым, выше конфессиональных разделений, ибо, по его словам, «всякая душа по природе христианка». На все философские вопросы Соловьев смотрел прежде всего с точки зрения христианской нравственности. Именно она задавала ему максимально обобщенную точку зрения, «приподнимала» мысль философа над сугубо мирскими интересами, сообщала его философии подлинную духовность. Как и русская классическая литература, философия Соловьева есть искание подлинной духовности, стремление к духовному преображению жизни.

Ряд черт объединяет философию Соловьева с западноевропейской философской классикой, особенно с такими ее представителями, как Кант, Гегель, Шеллинг. Так же, как и они, Соловьев остро ощущал потребность в создании всеобъемлющей философской системы. Так же, как и они, русский мыслитель

стремился объяснить все явления материального и духовного мира исходя из единого принципа. Таким принципом стал для Соловьева *принцип всеединства*. Обнаружить и понять его значение помогло мыслителю глубокое знание древней философии. Вместе с тем он сумел заново актуализировать древние принципы, применить к новым областям действительности, связать с достижениями современной ему науки, истолковать в свете христианского мировоззрения.

Общим для Соловьева и западноевропейской философской классики явилась и постановка в центр философствования вопроса об идеале. Классическую философскую мысль интересует не столько вопрос, «что есть», сколько вопрос, «что Должно быть». Почему действительность расходится с идеалом? — именно ракурс рассмотрения, задаваемый этим вопросом, характерен для философии Соловьева, как и для европейской классической философии. Идеал определяется христианским мировоззрением, поэтому вполне очевиден и не требует особых усилий, чтобы быть понятым. Это гармония души и тела, братство и солидарность людей, любовь, сострадание и милосердие, совесть, благоговение перед высшим и другие ценности христианского мировоззрения. Но почему наблюдаемая действительность столь далеко отстоит от идеала? Поисками ответа на этот вопрос занята философия Соловьева, как и философская классика в целом. Для нее, конечно, невозможно отвержение идеала, сколь бы далеко он не отстоял от видимого бытия — видимое бытие не исчерпывает всей реальности. Подлинная сущность реальности — в бытии невидимом. Оно открывается духовному зрению человека. Неподлинное бытие подлежит преображению — не отторжению, не революционной перестройке, а духовному освящению, т.е. выявлению подлинной сути, скрытой поверхностными искажениями. Подлинное бытие неизмеримо выше, поэтому неизмеримо сильнее бытия неподлинного. Конечная победа будет за ним. Такая победа гарантирована самой сущностью мира, его глубинной структурой.

Уверенность в конечном торжестве идеала над уродствами и

безобразиями видимого мира лежит в основе ощущения прочности бытия, его незыблемости перед лицом возможных катастроф и потрясений. Ничто не может нарушить поступательного движения мира в целом, а следовательно, общественного развития, истории человечества. Историческая закономерность пробьет себе дорогу. Поэтому катастрофы и неурядицы носят временный, преходящий характер. Именно так рассуждает философская классика — достаточно вспомнить философию Гегеля, как и многих других мыслителей XIX в. В этом же русле развивается основная тенденция философского творчества Соловьева. Однако, помимо основной тенденции, в нем находит свое выражение и существенно иная, отличная от классической. Это объясняется тем, что русский мыслитель создавал свои произведения в эпоху, отличную от той, в которую жили и творили отцы западноевропейской классической философии.

Вторая половина и конец XIX в. — время, во многом иное по сравнению с первой половиной столетия. Все более нарастает тревога за судьбы христианской цивилизации. Уверенность в гарантированности прогресса начинает подвергаться испытаниям. Вера в близкое торжество разума, свободы, равенства и братства, характерная для начала века, сменяется опасениями, настроениями тревоги и пессимизма относительно способности человека победить разрушительное начало в собственной природе. Выясняется, что политическая свобода отнюдь не гарантия от злоупотреблений, от социального и индивидуального зла. Соловьев, хорошо осведомленный об особенностях современного ему идейного развития Европы, не мог не отразить в своем творчестве характерных настроений времени.

Проблема зла в человеческой природе решается им двумя совершенно различными способами. Первый характерен для основного периода творчества, второй — для самого последнего и выражен отчетливо в одной из работ, написанных незадолго перед смертью, — в произведении под названием «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

Радикальным средством для преодоления зла в основной пе-

риод творчества для Соловьева являются *самоотречение* и *самопожертвование*. Самоотречение от собственной воли и последующее самопожертвование «во имя других», «на благо человечества» и т.д. — выступает лейтмотивом философии Соловьева во всех его главных трудах. По Соловьеву, зло может быть побеждено тем же, чем оно порождено. А порождено оно стремлением человека к самоутверждению. Неумность человека, стремление его во что бы то ни стало утвердиться среди других неизбежно порождают раздор и борьбу. Но в действительности человек не в состоянии достигнуть желаемого — он лишь страдает от невозможности реализовать свои устремления. Воля, т.е. хотение, толкает человека к тому, чтобы вновь и вновь утвердить себя. И вновь, и вновь человек убеждается в невозможности достигнуть поставленных целей. Этому противодействует весь мир, другие люди, стремящиеся к собственному самоутверждению. Утвердиться можно не иначе, как за счет других. А это, по Соловьеву, не по-христиански, значит, неправильно. Поэтому подлинный христианский героизм состоит не в том, чтобы проявить свою самость (от слова «сам»), а в том, чтобы суметь укротить свои хотения, пожертвовать собою ради других. В конечном итоге, самопожертвование обернется благом для того, кто решился на него. Человек избавится от страдания, причиняемого хотениями и невозможностью полностью реализовать их. Он обретет душевное равновесие, а значит, самоотречение воли есть подлинное благо человека.

Соловьев, по сути, следует за рассуждениями и выводами А. Шопенгауэра — любимого философа своей молодости. Шопенгауэровская философия «страдающей воли» была очень популярной в Европе в середине XIX в. Соловьев возводит шопенгауэровское самоотречение воли в ранг христианской добродетели. Между тем, по мнению современных исследователей, идея Шопенгауэра не христианского, а буддистского происхождения. Соловьев, будучи верен принципу всеединства, не отбрасывает ее, но и не принимает, как ему кажется, полностью, без соответствующих дополнений. Соловьев модифицирует Шопенгауэра в

том смысле, что самоотречение воли должно происходить не в пустоту, не в пользу абстрактных «других», не в пользу человечества, как оно есть, а в пользу идеальных «других», в пользу Богочеловечества, во имя Бога. «Другие», человечество, как оно есть, столь же грешны, как и весь тварный мир, как и я. Поэтому они не заслуживают того, чтобы индивид или нация жертвовали собой в их пользу. Жертва оправдана во имя идеала. Поскольку осуществление идеала гарантировано, то жертвующему гарантированно воздастся, — сейчас или в будущем. Путь самопожертвования — путь наиболее достойный, поскольку он открывает возможность победить зло.

«Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», и особенно приложение к этому произведению, — «Краткая повесть об Антихристе», знаменуют собой радикальный поворот во взглядах Вл. Соловьева. Эта работа написана в 1899-1900 гг., в преддверии приближающейся смерти философа. Однако вряд ли следует связывать присущее ей настроение и содержание работы с пессимизмом, якобы охватившим Соловьева в самый последний период жизни. В этой работе выражен не пессимизм, а новое для мыслителя понимание зла и осознание необходимости более активного противодействия злу. Соловьев неожиданно обнаруживает сходство своих прежних воззрений с толстовским учением о *непротивлении*. Если раньше для него были очевидны ложь и вред учения Л. Толстого об «опрощении», согласно которому истина не в образованности и культуре, а в невежестве, которое Толстой превозносил как высшую добродетель, то теперь столь же очевидными становятся ложь и вред учения о непротивлении. Поздний Соловьев говорит не о самоотречении воли, а о необходимости *крепить волю для противодействия злу*. История гарантированно не идет к лучшему. Следовательно, для того чтобы остановить зло, потребны гораздо большие усилия, чем представлялось ранее. «Не следует стремиться построить рай на земле, — главное не допустить ада», — таково новое кредо Соловьева. В этом пункте его философия превосходит пределы философской классики. Она стано-

вится непосредственной предтечей *постклассической* философии XX в.

Развить новое воззрение во всей полноте Соловьеву не было суждено. Дело не только в том, что для этого ему не хватало времени и сил. Дело прежде всего в том, что новая постклассическая эпоха еще только наступала, еще не обнаружила своих тенденций в полной мере. Эти тенденции только намечались. Соловьев уловил их на стадии зарождения.

Творчество и деятельность Соловьева приобрели *международное* значение. Прежде всего оно связано с идеей объединения церквей, которую отстаивал мыслитель. Вряд ли его проект осуществим во всех деталях. Однако мысль о сотрудничестве и взаимопомощи христиан, независимо от конфессиональных разделений, остается актуальной до сих пор. Многие деятели римско-католической церкви неоднократно заявляли о своем положительном отношении к идеям русского философа. Именем Соловьева названа улица в хорватском городе Загреб, где Соловьев неоднократно бывал для осуществления контактов с католическим духовенством.

На симпозиуме, посвященном философии Соловьева, проходившем в Парижском Католическом Институте (ноябрь 1975 г.), один из участников произнес следующие слова: «Нравственная требовательность, вера в действие Бога в истории, сила мысли и универсальность философского охвата Соловьева оказывают в наши дни такое влияние на подавляющее большинство его русских читателей, что, ознакомившись с ним, они уже не могут остаться при прежних взглядах. Он — великий освободитель русского ума, выводящий его на интеллектуальный простор из тупиков и закоулков узких идеологий и предрассудков. Это и притягивает к нему самых различных читателей. Почти каждый находит у него то, что ему дорого, и находит его включенным во вселенскую христианскую перспективу»¹¹.

---

¹¹ Аксенов-Меерсон М. Соловьев в наши дни // Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. XIII.